

СЕКЦИЯ IV ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СМАРТ-КОНТРАКТОВ: МЕЖСТРАНОВЫЙ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И РЕКОМЕНДАЦИИ ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Д. В. Акулич

Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет», г. Минск

Научный руководитель В. К. Ладутько, канд. юрид. наук, доцент

В 2017 г. с принятием Декрета № 8 «О развитии цифровой экономики» Республика Беларусь стала одной из первых стран в мире, где на законодательном уровне было разрешено использование смарт-контрактов. Правда, это разрешение коснулось узкого круга компаний. Право совершать сделки в виде смарт-контрактов было дано резидентам Парка высоких технологий (далее – ПВТ). На начало марта 2021 г. в ПВТ входило 1020 компаний, что составляло 0,01 % от их общего числа в Беларуси. Кроме компаний, не входящих в ПВТ, право на совершение подобных сделок также не было распространено на финансовые организации, ИП и физлиц.

«Смарт-контракт представляет собой компьютерный код, который автоматически проводит сделки и контролирует их исполнение с помощью математических алгоритмов». Такое определение в 1996 г. дал автор термина «смарт-контракт» Н. Сабо в статье «Smart Contracts: Building Blocks for Digital Markets». Контракт может быть полностью написан на одном из языков программирования (Solidity, Java, Go, Kotlin и др.). Бывает, что в скрипте может быть зашит текст на естественном языке. Также может быть ситуация, когда не естественный язык дополняет код, а код встраивается в бумажный документ. Это смешанная модель автоматизации, когда часть договора прописывается на естественном языке, а часть – в виде смарт-контракта.

Существует несколько технологий реализации смарт-контрактов. Первая такая технология – блокчейн – появилась в 2008 г. В настоящее время это самая популярная технология. Блокчейн – это полностью реплицированная распределенная база данных (реестр блоков транзакций), где хранится компьютерный код реальных смарт-контрактов. Эта база данных управляется автономно, без единого центра. На базе блокчейна для бизнес-пользователей созданы платформы (Ethereum, Hyperledger fabric, Corda, Rootstock, EOS, Stellar и др.), на которых можно создавать смарт-контракты. Первая такая платформа Ethereum была запущена в 2015 г.

Эксперты полагают, что при определении «смарт-контрактов» в законодательных актах не стоит привязываться к конкретной технологии (блокчейн) или к второстепенным признакам (криптовалюта, ICO, токены). Сегодня существуют технологии, которые не являются блокчейном, но также позволяют реализовывать смарт-контракты. Если в законодательном акте «смарт-контракт» определить через конкретную технологию, то использование других технологий, как и новых технологий, в случае их появления в будущем, окажется вне законодательного поля.

В декрете № 8 определение смарт-контракта дано как раз в привязке к конкретной технологии. В нем смарт-контракт определяется как «программный код, предназначенный для функционирования в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе, в целях автоматизированного совершения и (или) исполнения сделок» [5]. Уточняется, что «программный код, размещенный в открытом доступе в Интернете, содержащий условия договора и предложение заключить договор на указанных условиях, относится к оферте» [5]. По сути, в Декрете № 8 компаниям дано право на использование публичных блокчейн-платформ. Получается, что использование не публичных блокчейн-платформ (частный блокчейн, блокчейн консорциума), а также реализация смарт-контрактов без распределенных реестров (без блокчейна) в Беларуси законодательно не разрешены. Для многих компаний в случае необходимости соблюдения конфиденциальности об условиях сделки технология публичного блокчейна для реализации смарт-контрактов будет неприемлема. На публичных платформах информация хоть и зашифрована, но доступна всем участникам сети. Эта проблема решена в непубличных (частных, корпоративных) блокчейн-платформах, где к информации о конкретном смарт-контракте имеется ограниченный доступ. «Зачастую централизованные решения могут быть дешевле и надежнее в техническом плане» [4, с. 35]. Таким образом, из-за узкого толкования термина «смарт-контракт» отсекается использование целого стека существующих технологий для реализации смарт-контрактов.

Целью данного исследования было выяснить, какие изменения надо внести в законодательство Республики Беларусь, чтобы сделать смарт-контракты работающим и эффективным инструментом. Основным методом исследования выступал межстрановой компаративный анализ, а именно, мнения экспертов в США, странах ЕС, России, по вопросам законодательного оформления и правового регулирования смарт-контрактов.

В Российской Федерации (далее – РФ) в 2021 г. вступил в силу закон «О цифровых финансовых активах», который законодательно подтвердил использование смарт-контрактов. Данный закон, в отличие от Беларуси, распространяется на все юридические лица. Тем не менее, и он имеет недостатки. В «нем смарт-контракты определены с нарушением базовых принципов – они обозначены как новая, неизвестная сущность (электронная форма договора), технологически не нейтральны (привязаны только к технологии распределенных реестров), обременены второстепенными признаками» [4, с. 76].

Экспертное сообщество России лоббирует внесение изменений в Гражданский кодекс РФ, чтобы в этом общем документе закрепить возможность применения смарт-контрактов. По мнению экспертов, «такой подход не позволит общим правилам «расползаться» по специальным законам» [4, с. 72]. Также, по их мнению, важно зафиксировать, что «по своей сути фиксация условий сделки в виде программного кода является разновидностью письменной формы», и установить «правила приоритета между версиями договора на естественном и машиночитаемом языке» [4, с. 74].

Несмотря на то, что формально смарт-контракты в России разрешены, на практике их реализация сталкивается с рядом проблем. Традиционный контракт редко можно представить полностью в виде компьютерного кода. Обычно используется смешанная модель, когда традиционный контракт содержит часть в виде смарт-контракта. Такой контракт по-прежнему необходимо заверять у нотариуса. Большинство нотариусов не хотят заверять контракты, в которых помимо естественного языка встречается компьютерный код. Заверение контракта у тех нотариусов, которые идут на встречу, занимает гораздо больше времени по сравнению с заверением

обычного контракта. Чтобы решить эту проблему, эксперты предлагают внести в статью 54 Гражданского кодекса РФ дополнение о том, что «нотариус не обязан проверять содержание сделки (части сделки), совершенной в форме электронного алгоритма и его техническую исполнимость» [3, с. 7].

При платежах по смарт-контрактам возникают проблемы и с банками. Часто банку приходится доказывать, что сгенерированное электронным алгоритмом платежное поручение соответствует законодательству. Эксперты предлагают внести изменения в статью 845 Гражданского кодекса РФ о том, что плательщики, получатели платежей и банки могут сами договариваться о способе исполнения платежных поручений. Детали порядка платежей предлагается прописывать в договоре банковского счета.

В 2018 г. в одном из отчетов Сената США указывалось, что «хотя смарт-контракты могут показаться чем-то новым, эта концепция уходит корнями в основное договорное право» [2, с. 270]. В том же 2018 г. в Конгрессе США был рассмотрен законопроект «Blockchain Records and Transaction Act», где предлагалось узаконить смарт-контракты и хранение данных в блокчейне. Тогда он не был вынесен на голосование. В ноябре 2020 года доработанный проект с таким же названием был повторно внесен на рассмотрение в Конгресс США. Пока он не принят. Не дожидаясь решения на федеральном уровне, на начало 2021 г. около 10-ти штатов законодательно утвердили использование смарт-контрактов.

В международной организации по стандартизации (ISO) создан комитет «Блокчейн и технологии распределенного реестра», который занимается разработкой стандартов в области смарт-контрактов. В 2019 г. этот комитет издал отчет «Обзор и взаимодействие смарт-контрактов в блокчейне и системах распределенного реестра». В этом документе определено, что смарт-контракты – это компьютерные программы, которые хранятся в распределенных реестрах и предназначены для автоматизации транзакций, основанных на согласованных условиях. «Несмотря на то, что в рамках своей деятельности комитет рассматривает смарт-контракты через технологию распределенного реестра – возможно, в перспективе, будет выработан международный стандарт и требования для смарт-контрактов как компьютерной программы для автоматического исполнения обязательств» [4, с. 82].

Руководящие органы Европейского союза (далее ЕС) сформировали консенсус, согласно которому не нужно осуществлять правовое регулирование смарт-контрактов на едином уровне ЕС. Поспешное правовое регулирование способно замедлить развитие технологии. Участники рынка работают в глобальном мире и чрезмерное регулирование на национальном уровне может подтолкнуть компании к менее регулируемым юрисдикциям. К этому времени Европейское управление по ценным бумагам и Европейское банковское управление разработали правовые основы применения отдельных смарт-контрактов, например, тех, которые используются для передачи активов в виде криптовалют и токенов [1, с. 325].

Таким образом, в Беларуси целесообразно расширить круг лиц, которым разрешено использовать смарт-контракты. Их использование можно разрешить компаниям из всех отраслей экономики, финансовым организациям, ИП и физлицам. Для их широкого использования целесообразно прописать о возможности их применения в Гражданском кодексе. Термин «смарт-контракт» требует технологически нейтрального толкования для того, чтобы он позволял учитывать возможности использования любого стека существующих технологий, а также новых технологий, которые появятся в будущем. В этом толковании должна отражаться только суть смарт-контракта, которая заключается в автоматическом исполнении обязательств с помощью компьютерного кода.

Литература

1. Ferrari, V. The regulation of crypto-assets in the EU – investment and payment tokens under the radar / V. Ferrari // Maastricht Journal of European and Comparative Law. – 2020. – Vol. 27. – Iss. 3. – P. 325–342.
2. Hunn, P. Smart Contracts as Techno-Legal Regulation / P. Hunn // Journal of Information and Communication Technology. – 2019. – Vol. 7.3. – P. 269–286.
3. Вашкевич, А. Концепция изменения законодательства для внедрения смарт-контрактов. Проект закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс РФ, а также в отдельные законодательные акты РФ» в целях внедрения смарт-контрактов / А. Вашкевич, А. Дуюнов. – М. : Центр компетенций по нормативному регулированию программы «Цифровая экономика», 2021. – 9 с.
4. Вашкевич, А. Смарт-контракты: что, зачем и как / А. Вашкевич. – М. : Симплоер, 2018. – 89 с.
5. Декрет № 8 «О развитии цифровой экономики». – 2017. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/documents/dekret-8-ot-21-dekabrya-2017-g-17716>. – Дата доступа: 03.03.2021.

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВА НАРОДОВ
НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ****М. И. Борис***Учреждение образования «Белорусский государственный
экономический университет», г. Минск*

Научный руководитель А. В. Шерстобитов, канд. юрид. наук, доцент

На сегодняшний день одной из обсуждаемых проблем является вопрос самоопределения народов и пределы его реализации в различных странах.

Термин «право наций на самоопределение» в науку международного права был введен на Берлинском конгрессе 1878 г., а затем использован на Лондонском конгрессе II Интернационала в 1896 г.

Принцип равноправия и самоопределения народов закреплен в Уставе Организации Объединенных Наций. В соответствии с положениями Устава все народы имеют право свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие, и каждое государство обязано уважать это право [1].

В международных правовых актах, принятых позднее, закреплен юридический статус нации или народа как субъекта международного публичного права. К ним относятся Декларация о предоставлении независимости колониальным народам 1960 г., Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН (принята в 1970 г.).

И. И. Лукашук отмечал, что народу принадлежит высшее право определять экономическую, социальную, политическую систему страны. Международное право обязывает государство уважать право народа распоряжаться своей судьбой. Народ решает вопрос о государственной форме своего существования вплоть до ликвидации данного государства, например, путем присоединения к другому государству [2, с. 160].

Самоопределение наций может осуществляться путем выхода из состава многонационального государства или объединения с другим государством на основе федерализации (конфедерации) либо в условиях унитарного государства в качестве автономии или же путем создания самостоятельного государства. Его нельзя отделять от права на территорию, которое является одним из важных аспектов его реализации. Принципы территориальной целостности государств и равноправия и самоопределения народов являются основными принципами международного права и, как и все другие основные принципы, обладают равной юридической силой.